

ЛИНГВИСТИКА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 801:316

ББК 81.001.2

Р 98

Е.Н. Рядчикова, С.В. Тарасенко

Лингвокультурные принципы и способы отражения национального самосознания и национальной культуры в языке

(Рецензирована)

Аннотация:

Статья посвящена изучению проблем отражения в языке национальной культуры, представлений народа о жизни и национальных ценностях, традиций стереотипов; говорится о взаимосвязи личности и общества, о языковом определении национальной принадлежности, критериях самосознания. Рассматривается главенствующая роль национального языка и значений языковых единиц для идентификации национального самосознания, культурных смыслов. Исследуется антропоцентризм как особый принцип изучения национальной языковой личности.

Ключевые слова:

Национальность, родной язык, национальное самосознание, языковая личность, культура, лингвистический антропоцентризм, ментальность, лингвокультурология, концепт.

В нации, носителе определенной культуры, воспроизводится народно-эмоциональный опыт. Национальная принадлежность представляет собой реальную структурно богатую связь личности с обществом, включающую в себя социально-экономический, территориально-бытовой, общественно-политический, языковой, духовный и социально-психологический аспекты. Национальное своеобразие личности состоит прежде всего в неповторимом сочетании общих для всех наций и народов элементов, в комбинации системы отношений ценностей и проявляется только в соотношении одной национальной личности с другими. Понять национальную личность – значит воспроизвести в сознании другой национальной личности не только присущую ей систему ценностей, но также и специфическое видение мира

«Самосознание возможно охарактеризовать в качестве самоопосредования формой, в качестве неизбежного, но вместе с тем преимущественного намеренного самоограничения, как такую целеустремленность, которая позволяет человеку сконцентрироваться, неким образом

сосредоточиться на одном моменте с тем, чтобы проявить со временем не просто действующую необходимость, но свободу в осуществлении преобразований, постепенно обрести права и возможности для общения с универсумом на «ты». Самосознание... открывает языковому знаку... возможность для приобщения к судьбам человечества, возводит выражающее (языковой знак в положении «актуального выразителя») до уровня полноценного существования» (Катышев 2004, с.17). П.А. Катышев отмечает, что необходимыми моментами, закладывающими фундамент в онтологию языкового знака как «виртуально-актуальной» категории, выступают такие характеристики самосознания, как формальность, текучесть и телесность. В соответствии с этим самосознание есть форма – то, что образует языковой знак; самосознание есть причина (а) движения в интеллибельном пространстве форм и (б) смысловой динамики – то, что варьирует образ означаемого в культурогенных контекстах и наполняет его смысловой бесконечностью и многомерностью; самосознание есть телос – то, что полага-

ет языковой знак, движет им и делает его движущим (там же, с.17).

По мнению Н.А. Бердяева, вне национальности, понимаемой как индивидуальное бытие, невозможно существование человечества. И именно через национальную индивидуальность каждый отдельный человек входит в человечество, он входит в него как национальный человек. «Национальный человек больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные» (Бердяев 1990, с.96). В силу этого и культура не может быть, по Бердяеву, отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т.е. национальная.

Одним из объектов, изучение которого может вскрыть особенности картины мира, присущей представителю той иной национальной культуры, может являться сознание человека, зафиксированное посредством языка, сознание, понимаемое «как открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния» (Леонтьев 1975, с. 125). При таком подходе важнейшими образующими сознания становятся значения, поскольку именно в них нам дана «преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений» (там же, с. 141). Следовательно, именно в значениях, которые «производятся обществом», но функционируют в деятельности и сознании конкретного индивида, считает Н.В. Уфимцева, мы можем искать особенности мироощущения и самооценки представителя той или иной культуры. «Образы сознания – это те единицы, из которых строятся национально-культурные структуры сознания. Языковое сознание не может быть объектом анализа в момент протекания процессов, реализующих его, оно может быть исследовано только как продукт бывшей деятельности, иными словами, может стать объектом анализа только в своих превращенных, отчужденных от субъекта сознания формах (культурных предметах и квазипредметах). Мы рассматриваем язык и сознание как два соотносящихся вида рефлексивного бытия человека» (Уфимцева 1995, с.243). Возможно и не нужно оспаривать слова П.А. Вяземского: «Язык есть исповедь народа,

в нем слышится его природа, его душа и быт родной». Будучи важнейшим средством общения людей, язык служит необходимым условием этнической общности – исторически возникшего вида социальной группировки людей, представленной племенем, народностью, нацией. Этнической общностью принято считать всякую осознанную культурно-языковую общность, сложившуюся на определенной территории, среди людей, находящихся между собой в реальных социально-экономических отношениях. При этом язык и культуру представляют как неразрывное единство.

Этнос – это то, что объединяет людей изнутри, культурно и духовно. Идентификационными признаками этноса являются расовая принадлежность, цвет кожи, географическое происхождение, язык, обычаи и религия. Границы этнической идентичности подвижны, динамичны и культурно обусловлены. Известно, что народность формируется как языковая группа. «Народ и язык один без другого представлен быть не может» (Срезневский 1959, с.16). Именно поэтому названия народа и языка исторически совпадают. Полагают, что среди четырех составляющих национального самосознания – 1) этническое, 2) культурное, 3) языковое и 4) религиозное – доминантным является язык. При этом обычно приводится мнение известного культуролога П.М. Бицилли о том, что народы меняют свои учреждения, свои нравы и обычаи, даже свою религию, свое место жительства, все – кроме языка. В современном философском энциклопедическом словаре отмечено как непреложная истина: «Язык наиболее точно характеризует народ, ибо является объективным духом» (ФЭС 1998, с.554).

Существует мнение, что определяющими в этническом самосознании является «стереотип поведения», национальный характер, объединяющий всех представителей данной нации, но не будем забывать, что этот «стереотип поведения» складывается в определенных условиях природы, климата и рельефа местности, на которой зарождается этнос. Он формируется и реализуется в истории и культуре, и существенным элементом «стереотипа поведения» является стереотип речевого поведения.

Невозможно представить себе, чтобы стереотип складывался до и вне природы, истории, культуры и языка. Яркий пример проявления

этнического характера языка – так называемое чувство родного языка. У всех народов язык тесно связан с национальным чувством и сознанием.

«Привязанность человека к родному языку объясняется и тем, что у каждого народа существуют неповторимые ассоциации образного мышления, обусловленные особым семантическим наполнением каждого слова – культурными смыслами. Они закрепляются в языковой системе и составляют ее национальную специфику. Этническое самосознание основывается прежде всего на родном языке» (Хроленко 2004, с.91). Если язык – сердцевинная часть культуры, заинтересованное постижение родного языка – самый эффективный путь к овладению фундаментальной частью национальной культуры. Русский философ И.А. Ильин в программной статье «Путь духовного обновления» утверждал, что пробуждение самосознания и личностной памяти ребенка необходимо совершать на его родном языке, причем важен не тот язык, на котором обращаются к нему, заставляя его выражать на нем его собственные внутренние состояния. Язык, – полагает философ, – вмещает в себе таинственным и сосредоточенным образом всю душу, все прошлое, весь духовный уклад и все творческие замыслы народа». Завершается статья своеобразной педагогической рекомендацией: «...В семье должен царить культ родного языка» (Ильин 1994, с. 227).

Интересна концепция «диффузионизма» А. Фробениуса, представителя культурно-исторической школы, предложившего понятие «культурного круга», когда развитие культуры объясняется не линейной эволюцией, а случайным сочетанием творчества и заимствований. Теоретики концепции «культурно-исторических типов» (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, П. А. Сорокин, М. Вебер и др.) подчеркивали роль духовных ценностей, душевного склада в интеграции культуры. Этот рационалистический взгляд сочетается с «философией жизни», органицизмом. Культура нередко уподобляется национальной исторической личности, имеющей свое лицо, свой характер, а личность, в свою очередь, – это индивидуальное проявление народности.

По мнению Н.Я. Данилевского, человечество не представляет собою чего-то единого,

«живого целого», а скорее походит на живую стихию, в которой существует развитие отдельных культурно-исторических типов. В учении Данилевского формообразующий принцип культуры соединяет национальные ценности народа с его историческими целями. И тогда нация может быть представлена базовой национальной личностью, вследствие чего для культуры русское и славянское, святое и истинно всемирно-историческое и всечеловеческое дело – не пропадет. Н.Я. Данилевский пришел к мысли о том, что элементы национальной культуры, попадая в иную среду, переосмысливаются, а важнейшие достижения человеческого духа достигают зрелости, лишь пройдя через сознание нескольких наций, становясь «всечеловеческими», которые, без сомнения, выше всякого отдельно человеческого или народного» (Данилевский 1991, с.566). В культурологии Данилевского ценным сегодня является предостережение о денационализации культуры. По его мнению, установление всемирного господства одного культурно-исторического типа, одной культуры лишило бы человечество элемента, что привело бы к потере нравственной народной самобытности.

О. Шпенглер изложил концепцию типов культуры, близкую взглядам Н.Я. Данилевского. По Шпенглеру, каждая культура – одно из возможных решений проблемы личности с ее творческими задатками. Отмечая специфику национальной культуры, О. Шпенглер предпочитает научно-объективному методу «портретирование» культур, целостность которых он выводит из духовной, идеальной основы. Отрицая существование общих исторических законов, он настаивает на уникальности каждой из культур, которые следует не анализировать, а сравнивать. Вслед за Н.Я. Данилевским, О. Шпенглер выделяет этапы развития культуры. Последний период он называет цивилизацией, порождающей всепоглощающую государственность, а затем и приход «сильной личности» (Шпенглер 1923, с.57).

Хотя О. Шпенглер одним из первых в культурологии исследовал морфологию культуры, он, однако, ошибся в ее оценке как сокровищнице человеческого опыта. Его тезис о «взаимонепроницаемости» культур и их гибели опровергнут самой жизнью: без диалога культур нет истории и развития личности, ибо осмыс-

ление судеб чужой культуры помогает лучше понять себя.

Весьма ценными являются системные исследования П.А. Сорокина в области национальной психологии: «Если исследователь ставит своей целью изучить характерные черты нации или какой бы то ни было социокультурной системы, он должен изучить нацию как таковую, как единую систему, в ее структурных и динамических чертах, непрерывно меняющуюся в своем историческом развитии» (Сорокин 1994, с.26). Однако П.А. Сорокин подчеркивает, что системы существенно отличаются от свойств ее элементов или структурных компонентов. Более того, свойства любой сложной системы отличаются от свойств всех ее структурных компонентов, взятых порознь и суммарно. Поэтому, чтобы изучить основные черты нации, ее надо рассматривать как таковую как целостную систему.

Нельзя не отметить плодотворность стремления П.А. Сорокина определить нацию как «солидарную, организованную, полужакрытую социально-культурную группу с многосторонними (многофункциональными) связями, которая, по крайней мере, отчасти, сознает свое единство и существование. Эта группа состоит из индивидуалистов, которые являются гражданами одного государства, имеют общий или сходный язык и ряд культурных ценностей, причем и то и другое являются результатом прошлой истории их предков и этих людей, и которые занимают общую площадь» (Там же, с.21).

Идеи народа относительно смысла и значения жизни через религиозные, философские, культурологические и другие учения, через литературу и искусство влияют на его нравственность, на выбор пути развития общества и личности. Появлению определенных идей, форм мысли, категорий, по которым мы их размещаем и которые кажутся априорными, мы обязаны нации. Язык, фиксирующий идеи и методы, передает эти интеллектуальные формы каждой личности, обязывая держаться общего образца.

Нация со всеми своими атрибутами выступает как один из важных компонентов общественной среды, где развивается личность. Личность охватывает всю систему общественно значимых отношений и ценностей, которые так или иначе, но необходимым образом включа-

ются в живой процесс человеческой деятельности.

Понять национальную личность можно только при строго определенном методологическом подходе, измеряя и адекватно характеризуя ее, но соответствующим образом. Единого подхода, единой ценностной «системы отсчета», под которую можно было бы подогнать все национальные личности, не существует. То, что является для одной национальной личности основополагающей ценностью жизни, может и не быть таковой для другой национальной личности.

Постижение своей глубинной сути – проблема, важная для каждого отдельного человека. Ее разрешение способно кардинальным образом изменить его личность и всю его жизнь. Именно на этом пути человек открывает в себе свою индивидуальную и социальную определенность, обретает новые, по-настоящему незыблемые ценности и исцеляется от многих заблуждений, которыми до того времени он руководствовался в своей жизни. И узнавая свои глубины, человек возвращается к своим первоосновам, открывает для себя истинный смысл своего бытия и бытия мира, в котором он живет.

Постижение человеком сути своего «Я» значимо и в ином – социальном – плане, поскольку оно способно преобразовать жизнь человеческого сообщества в целом.

Человек – это тот центр, через который проходят координаты, определяющие предмет, задачи, методы, ценностные ориентации современной лингвистики. Сегодня трудно представить тот период развития языкознания, когда изучение языка проходило без учета человеческого фактора, а лингвистика была «бесчеловечной».

Признание человека тем феноменом, который определяет и консолидирует науку о языке, произошло благодаря исканиям многих поколений лингвистов, начиная с В. Гумбольдта. За всю историю лингвистики никто не пытался опровергнуть гумбольдтовское понимание языка как «мира, лежащего между миром внешних явлений и внутренним миром человека (Гумбольдт 1984, с.304), как «не просто внешнего средства общения людей, поддержания общественных связей», но средства, «заложенного в самой природе человека и необходимого для

развития его духовных сил и формирования мировоззрения» (Там же, с.51). На первый взгляд, принятие этих положений делает невозможным изучение языка без модуса его существования – человека.

Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык должен изучаться. Поэтому в своем главном стволе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке.

Антропоцентризм как особый принцип исследования, господство которого роднит лингвистику со многими другими науками, причем не только гуманитарными, заключается в том, что «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели. Он знаменует ...тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс» (Кубрякова 1995, с.212).

Сегодня нет области лингвистических исследований, которая не приобрела бы антропоцентрической направленности, но наиболее ярко сущность лингвистики антропоцентризма проявляется в текстовых исследованиях. Текст невозможно изучать вне человека, который является его производителем и получателем. Более того, текст стал ключевым понятием для антропологической парадигмы изучения языка, поскольку «человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный)» (Бахтин 1996, с.301).

Совершенно справедливо пишет Е.С. Кубрякова: «Лингвистика как зрелая наука может и должна объяснить изучаемый его объект – язык – но не только «в самой себе и для себя», а для более глубокого понимания и объяснения человека и того мира, в котором он обитает» (Кубрякова 1995, с.224-225). Поэтому язык выступает то в качестве объясняемого объекта, то в качестве объясняющего субъекта по отношению к таким феноменам, как сознание, мышле-

ние, общество, культура и др.

Дорога к познанию человека лежит через естественные и гуманитарные науки, искусство и язык. «Домом бытия», по выражению М. Хайдеггера, для каждого человека и народа в целом является язык. Поэтому магистральный путь к осмыслению феномена человека и нации проходит не столько через естественные науки, сколько через естественные языки, а значит, и через науку о них.

Язык – это то, что лежит на поверхности бытия человека в культуре, поэтому, начиная с 19 в. (Я. Гримм, Р. Раек, В. Гумбольдт, А.А. Потебня) и по сей день, проблема взаимосвязи, взаимодействия языка и культуры является одной из центральных в языкознании. Первые попытки решения этой проблемы усматривают в трудах В. Гумбольдта, основные положения концепции которого можно свести к следующему: 1) материальная и духовная культура воплощаются в языке; 2) всякая культура национальна, ее национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира; языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма; 3) внутренняя форма языка – это выражение «народного духа», его культуры; 4) язык есть опосредующее звено между человеком и окружающим его миром. Концепция В. Гумбольдта получила своеобразную интерпретацию в работах А.А. Потебни, Ш. Балли, Ж. Вандриеса, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Р.О. Якобсона и других исследователей.

Мысль о том, что язык и действительность структурно сходны, высказал еще Л. Ельмслев, отмечавший, что «структура языка может быть приравнена к структуре действительности или взята как более или менее деформированное ее отражение» (Ельмслев 1992, с.182).

Е.Ф. Тарасов отмечает, что язык включен в культуру, так как «тело знака (означающее) является культурным предметом, в форме которого опредмечена языковая и коммуникативная способность человека, значение знака – это также культурное образование, которое возникает только в человеческой деятельности. Также и культура включена в язык, поскольку вся она смоделирована в тексте (Тарасов 1994, с.34).

Вместе с тем, взаимодействие языка и культуры нужно исследовать крайне осторожно, помня, что это разные семиотические

системы. Нужно сказать, что, будучи семиотическими системами, они имеют много общего: 1) культура, равно как и язык, - это формы сознания, отображающие мировоззрение человека; 2) культура и язык существуют в диалоге между собой; 3) субъект культуры и языка – это всегда индивид или социум, личность или общество; 4) нормативность – общая для языка и культуры черта; 5) историзм – одно из существенных свойств культуры и языка; 6) языку и культуре присуща антиномия «динамика – статика».

Язык и культура взаимосвязаны: 1) в коммуникативных процессах; 2) в антогенезе (формировании языковых способностей человека); 3) в филогенезе (формировании родового общественного человека).

Различаются эти две сущности следующим: 1) в языке как феномене преобладает установка на массового адресата, в то время как в культуре ценится элитарность; 2) хотя культура – знаковая система (подобно языку), но она не способна самоорганизовываться (Лосев 1992, с.426-429).

Лучшие умы 19 века (В. Гумбольдт, А.А. Потебня) понимали язык как духовную силу. Язык – такая окружающая нас среда, вне которой и без участия которой мы жить не можем. Как писал В. фон Гумбольдт, язык – это «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» (Гумбольдт 1995, с.542). Следовательно, будучи средой нашего обитания, язык не существует вне нас как объективная данность, он находится в нас самих, в нашем сознании, нашей памяти; он меняет свои очертания с каждым движением мысли, с каждой новой социально- культурной ролью.

Эту проблему исследовали школы Э. Сепира и Б. Уорфа, различные школы неогумбольдтианцев, разработавшие так называемую гипотезу лингвистической относительности. В основе этой гипотезы Э. Сепира и Б. Уорфа лежит убеждение, что люди видят мир по-разному – сквозь призму своего родного языка. Для ее сторонников реальный мир существует постольку, поскольку он отражается в языке. Но если язык отражает действительность присутствующим только ему способом, то, следовательно, языки различаются своими языковыми картинами мира.

В гипотезе Сепира – Уорфа выделяются следующие основные положения: 1) Язык обуславливает способ мышления говорящего на нем народа. 2) Способ познания реального мира зависит от того, на каких языках мыслят познающие субъекты. «Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир представляет перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчлняем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе, в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка» (цит. по: Языки мира 1993, с.259-260).

Данная гипотеза получила поддержку и дальнейшую разработку в трудах А. Вейсгербера, в его концепции языка как «промежуточного мира», стоящего между объективной действительностью и сознанием. «Язык действует во всех областях духовной жизни как создающая сила» (Вейсгербер 1993, с.251).

Б.А. Серебренников обосновывает свое отношение к этой гипотезе следующими положениями: 1) источником понятий являются предметы и явления окружающего мира. Любой язык в своем генезисе – результат отражения человеком окружающего мира, а не самодовлеющая сила, творящая мир; 2) язык приспособлен в значительной степени к особенностям физиологической организации человека, но эти особенности возникли в результате длительного приспособления живого организма к окружающему миру; 3) неодинаковое членение языкового континуума возникает в период первичной номинации. Оно объясняется неодинаковостью ассоциаций и различиями языкового материала, сохранившегося от прежних эпох (Серебренников 1993, с 215).

Язык – факт культуры, потому что: 1) он – составная часть культуры, которую мы наследуем от наших предков; 2) язык – основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру; 3) язык – важнейшее из всех явлений

культурного порядка, ибо если мы хотим понять сущность культуры – науку, религию, литературу, то должны рассматривать эти явления как коды, формируемые подобно языку, ибо естественный язык имеет лучше всего разработанную модель. Поэтому концептуальное осмысление культуры может произойти только посредством естественного языка (Кубрякова 1995).

Язык – составная часть культуры и ее орудие, это действительность нашего духа, лик культуры; он выражает в обнаженном виде специфические черты национальной ментальности. «Язык есть механизм, открывший перед человеком область сознания» (Жинкин 1998, с.351).

Как заметил К. Леви-Строс, язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык – специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов (Леви-Строс 1995, с.524).

В.А. Маслова пишет, что человек понимается как носитель определенной национальности, ментальности и языка, участвующий в совместной деятельности (и что особенно важно – речевой деятельности) с другими представителями национальной общности (Маслова 1991, с.118).

Для современной науки интерес представляет уже не просто человек, а личность, т.е. конкретный человек, носитель сознания, языка, обладающий сложным внутренним миром и определенным отношением к судьбе, миру вещей и себе подобным. Он занимает особое положение во Вселенной и на Земле, он постоянно вступает в диалог с миром, самим собой и себе подобными. Человек – существо социальное по своей природе, человеческое в человеке порождается его жизнью в условиях общества, в условиях созданной человечеством культуры.

Язык – единственное средство, способное помочь нам проникнуть в скрытую от нас сферу ментальности, ибо он определяет способ членения мира в той или иной культуре. Он рассказывает нам о человеке такие вещи, о которых сам человек и не догадывается.

В. Гумбольдт писал: «Изучение языка не включает в себе конечной цели, а вместе со всеми прочими областями служит высшей и

общей цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» (Гумбольдт 1995, с.26).

Язык является одним из важнейших средств идентификации человека. Поэтому резкое обновление языка можно считать насилием над языковой личностью: в этой ситуации человек лишается привычного средства самореализации и самопонимания. Хотя язык и порождается жизнью, в своем функционировании он отрывается от нее (ибо слова наполняются иным смыслом) и сам начинает ее творить.

Зеркалом языка является, по мнению лингвокультурологов, его фразеологический состав, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание. Фразеологизмы – идиомы, выступающие как «язык культуры», подтверждают мысль Сепира – Уорфа, что язык и его фразеологический состав «навязывает» его носителям культурно-национальное миропонимание (Телля 1996, с.9).

Доказательством того, что фразеологические единицы, характеризующие образной мотивированностью, связаны с миропониманием народа – носителя языка, служит тот факт, что фразеологизмы возникают в различных языках на основе тех образных представлений действительности, которые отображают весь духовный, исторический, жизненный и, что самое главное, культурный опыт языкового коллектива. Этот опыт обусловлен культурными традициями языкового общества, поскольку субъект данного языкового коллектива – это всегда субъект национальной культуры (там же, с.214). Другими словами, мироведение и речевая деятельность каждого человека определяются не столько его субъективным опытом, сколько той национальной культурой и средой, в которой он обитает, воспитан.

С одной стороны, компонентный состав ФЕ, замена лексем внутри устойчивого высказывания определяют изменения, происходящие в сознании носителей языков. С другой стороны, концептуальные смысловые области, соответствующие ФЕ, ярко акцентируют национальную картину мира и проявляют универсальные структуры человеческого сознания, не зависящие от национальной специфики.

Реальный мир и опыт взаимодействия с ним находит свое отражение в идеальном мире

человеческого сознания и фиксируется в различной форме, которую в широком смысле можно назвать значением. «С одной стороны, значение выступает как единица общественно-го сознания, с другой стороны как образующая индивидуального сознания» (Петренко 1988, с.40).

Обращаясь к языку, его истории, мы узнаем, где и как жили наши предки, чем занимались, о чем мечтали, что было для них истинно ценным, а что преходящим. Выдающийся русский просветитель К.Д.Ушинский писал, что в сокровищницу родного языка складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости, - словом, весь след своей духовной жизни народ бережно хранит в народном слове. Значит, и свои представления о том, что ценно и что неценно, народ бережно вкладывает в слова.

Говоря языком современной науки, слово выступает как имя (одно из имен) концепта, т.е. указатель на концепт. В течение многих веков форма слова может совсем не измениться, зато то, что за ним стоит, обогащается с каждым новым поколением. Значит, чем старше слово, тем оно должно быть «культурнее», т.е. глубже погружено в культуру данной языковой общности. Содержание культурного концепта корректируется с изменением значений слов или появлением новых слов в «общественном обороте».

Примечания:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1996.
2. Бердяев 1990 Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1990.
3. Вейсгербер И.Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
6. Ельмслев Л. Общее языкознание. М., 1992.
7. Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. М., 1998.
8. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Сочинения: В 2 т. Т.2. М., 1994.
9. Катышев П.А. Онтологическое измерение языкового знака // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей русского языка. М.: МГУ, 2004. С.17-18.
10. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине 20 века // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
11. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1995.
12. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
13. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М., 1992.
14. Маслова В.А. Связь мифа и языка // Фразеология в контексте культуры. М., 1991.
15. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М., 1988.
16. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1993.
17. Сорокин П.А. О русской нации. Россия и Америка. Теория национального вопроса. М., 1994.
18. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М., 1959.
19. Тарасов Е.Ф. Языковая и коммуникативная способность человека. М., 1994.
20. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
21. Уфимцева Н.В. Русские глазами русских // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. Сб. статей. М., 1995. С.242-249.
22. Философский энциклопедический словарь (ФЭС). М., 1998.
23. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: Учебное пос. М., 2004.
24. Шпенглер О. Закат Европы. Образы и действительность. М.-Пг., 1923.
25. Языки как образ мира. М., 2003.